

Наталия Мельникова

Под знаком Змееносца

Книга 1. Время штормов

Все совпадения с реальными людьми и событиями не случайны. Так как случайностей не бывает.

Пролог

Я приоткрыла один глаз. Яркий свет лампы заставил меня тут же закрыть его снова. Жужжание и скрипение в голове порядком поднадоело, не добавляла радости и затекшая шея.

Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе... — раз за разом мысленно, так как рот был перекошен и издавать какие-либо членораздельные звуки было нереально, да, в прочем, и не к месту (представляю удивление Искандера, если бы я вдруг начала распевать мантру) повторяла знакомые слова, пытаюсь расслабиться и отвлечь себя от неприятных и болезненных ощущений.

— Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе... Это конечно не медитация на теплом песке Сиамского залива, сидя в падмасане, проще говоря,

позе лотоса. Тем не менее, Махамантра, как впрочем и обычно, не подвела и мне удалось увести сознание от поднадоевшего жужжания, тело слегка расслабилось, мысли плавно и лениво проплывали мимо.

— Ай!!! — резкий укол вернул меня к реальности. Когда же закончится эта пытка? Надеюсь, что уже скоро. А пока у меня есть время вспомнить с чего же все это началось.

Глава 1

«Мы живем в невероятном, фантастическом мире, но не замечаем этого.»

Терри Пратчет

Появиться на свет в этот раз мне довелось на закате советской эпохи. Ребенком я была живым и подвижным, с весьма богатой фантазией. Порой выдумывала и детализировала целые миры, втягивая в свои игры дворовую ребятню. Наверное, как часто это случается с детьми представляла себя кем-то другим: покорителем драконов с другой планеты, разведчиком из иных миров или принцессой эльфов, живущей инкогнито на Земле. Думала, что когда вырасту обязательно стану актрисой. Это сколько же жизней можно будет прожить в одной!

Мой серый, в то время не слишком захламленный яркими бордами и огнями город, казался мне сказочным и удивительным миром, а совковая трешка в панельном доме, где мы жили с родителями, бабушкой и братом, была настоящим волшебным дворцом.

В детский сад, как большинство моих сверстников, меня не отдали. Родители, пытаясь обеспечить нам достойную жизнь, много работали и нашим с братом воспитанием практически не занимались. Заботу о нас взяла на себя бабушка, специально вышедшая ради этого на пенсию. Именно благодаря ей, я уже в года три начала читать — много и без разбору. Благо библиотека в доме была не маленькая. Книги давали знания, но еще больше появлялось вопросов.

Как все дети, рожденные в СССР, я конечно же знала, что мир материален и только материален, а остальное сказки, фантазии и бессмыслица. Но отчего-то меня совершенно не устраивал ответ родителей о том, что космос бесконечен, а после смерти ничего нет.

Я лежала из вечера в вечер в темной детской, пытаясь уснуть, но меня поглощала черная зияющая пустота небытия. Животный парализующий ужас перекрывал мне дыхание. Как такое может быть? У нас на бульваре будут по-прежнему зеленеть тополя, ходить люди, мимо

проезжать машины, а меня не будет. А где же я тогда по-вашему буду? И где была до своего рождения?

Как то мама обмолвилась о том, что за два года до моего рождения у нее должен был родиться ребенок — мальчик. Но потом, что-то пошло не так и беременность прервалась.

— Жаль, — искренне расстроилась я, — могла бы быть мальчиком и уже через год пойти в школу.

Мама улыбнулась:

— Нет, тогда бы тебя вовсе не было, думаю, мы бы не решились на третьего ребенка.

— А где бы я была?

— Ну, просто не родилась, — замешкалась мама.

— Тогда, я просто родилась бы у других родителей, — ее ответ вызвал у меня раздражение.

Родители переглянулись и улыбнулись моей детской наивности.

Моя прекрасная и мудрая бабушка старалась как могла ответить на мои неудобные вопросы. Она родилась в нелегкое время и прожила трудную жизнь, Библию не читала, и разговоры о Боге не вела, была человеком образованным и искала научно обоснованные ответы на мои вопросы. Видя мои ежевечерние подъемы-перевороты в кровати, в попытке заснуть, она, украдкой перекрестив меня, со вздохом говорила: — Лиечка, ты слишком много

думаешь.

А, да, меня Лией звать. Не знаю, где родители нашли это имя в эпоху Дашек и Настюш. Вроде бы отец привез его со службы в армии на Кавказе. Мама иногда с иронией говорит, вроде симпатия там у него какая то была с таким именем. Отец все отрицает. Кому верить не знаю. Мои родители всегда находят повод для бурного, почти итальянского, выяснения отношений: бывшие возлюбленные занимают в списке тем особое место, это беспроигрышный вариант для начала скандала. Короче говоря, откуда имя взялось не ясно, но досталось мне. И, надо сказать, доставило немало неловких моментов.

Во времена моего детства, чем то отличаться от других, пусть даже и именем было не принято. И я изо всех сил старалась быть «нормальной», и неловко вжимала голову в плечи, когда каждый новый учитель переспрашивал:

— Лия? Это что же за имя? А полное как? Это кто ж тебя так назвал? В честь Ахеджаковой, что-ли? — и уже полушепотом себе под нос, — Фамилия вроде не еврейская...

* * *

Осенью текущего года меня ждал первый класс школы. Это означало, что пора взрослеть и

расставаться со своими глупыми фантазиями: меня ждала большая, прекрасная, реальная жизнь. Где не бывает чудес, волшебников, драконов, магии, полетов без подручных средств, телепатии и путешествий в иные времена и миры. Все это детские бесполезные сказки. В жизни надо заниматься, чем то приносящим результат, а не фантазировать. Я приняла это.

Помню себя, сидящую на картонной коробке со всяким хламом, возле огромного тогда для меня шкафа в детской комнате, совершенно опустошенная этой мыслью. Чудес не бывает... У меня маленькой в секунду как будто выгорело что-то внутри. В тот момент я похоронила, как мне казалось, какую-то важную часть себя. Несколько дней ходила как в воду опущенная: зачем это все? Зачем в жизни чему то учиться чего-то достигать, если потом зияющая пустота? Тихонечко отсидеться в уголке несколько, десятилетий, полвека, если повезет чуть больше, ожидая ее прихода. Чудес не бывает. Мир материален. Тогда в чем вообще смысл?

Впрочем, осознание материальности мира, не мешало мне разговаривать с животными, удивляя окружающих тем, что меня никогда не кусают пчелы, ко мне ластятся чужие, весьма агрессивные псы, а курица в деревне любит, чтобы я почесывала ее, когда она сидит у меня на коленях.

Также я знала, чего хотят растения и вовсе неодушевленные предметы: к примеру, какая вещица хочет, где лежать. Это не вызывало удивления и казалось вполне естественным — частью меня: как видеть, слышать, разговаривать, ощущать запахи. Иногда, когда мне было скучно я наблюдала за крохотными непонятными существами (или предметами) летающими по воздуху в моей комнате или на улице. Без удивления. Они были со мной все детство.

Младшие классы прошли незаметно. Одноклассницы начали прихорашиваться. Для меня же совершенно не имело значения как я выгляжу. Скажем честно, не слишком важно это было и для моих родителей. По их мнению, хорошая куртка это та, в которой плотно застегивается горловина и прикрыта попа, девочкамнелзя мерзнуть. Все остальное не имеет значения. Поскольку назвать мою семью обеспеченной (отец после развала союза остался без работы, а мать тянула бюджетную лямку) было сложно, а обновок я не просила, то прекрасно донашивала мамины кофты и одежду других родственников.

Может быть этот факт, злосчастное имя, или то, что несмотря на все мои попытки, «нормальной» у меня быть в глазах одноклассников все же не получалось, но так сложилось, что в классе у меня совершенно не было друзей. Мультфильм «Том и

Джери», казался мне необоснованно жестоким, в современной музыке я не разбиралась, а что такое брендовые вещи представляла себе довольно смутно. Не тормозить и сникерсить, мне тоже не нравилось, так как рекламируемые шоколадные батончики были безвкусными и вовсе не шоколадными. В общем, точек соприкосновения со сверстниками практически не было. А мои занудные рассуждения об устройстве мира очевидно были совершенно неинтересны одноклассникам. Впрочем, не помню, чтобы я пыталась их с ними заводить.

Итак, мне казалось, что одноклассники относятся ко мне не дружелюбно, на это вполне однозначно указывали шепотки и смешки за моей спиной и не желание сидеть рядом со мной в столовой, а после одного случая, я просто уверилась в их неприязни.

В этот день была моя очередь дежурить по классу. Девочка, которая должна была составить мне компанию куда-то смылась. Я стояла и лениво елозила грязной тряпкой по доске, растирая по ней мел. Как сейчас помню это был кабинет биологии. И тут в класс вошла признанная красавица Алла Пантелеева со свитой — толстой Эльвирой и похожей на птичку Светой.

— Ну что, чувырла, как дела? — девчонки обступили меня вокруг, их наглые усмешки не

предвещали ничего хорошего.

Я стояла, окаменев, понимая, что ситуация разворачивается не в мою пользу. При этом агрессия девчонок не очень то меня пугала, но я терпеть не могла насилия. Если меня ударят, едва ли смогу дать отпор.

— Ты че обделалась что ли? Че молчишь? Не уважаешь? Смотри, сейчас заведем тебя в туалет и научим уважению — Алла толкнула меня в плечо.

Я продолжала молчать, опустив глаза в пол. Алла еще раз толкнула меня. А потом попыталась схватить за грудки, ее рука соскользнула и попала мне на шею. С рождения терпеть не могу, когда прикасаются к моей шее, просто физически не переношу. Не знаю как это произошло, все случилось само собой. Не могу объяснить как девочка, которая отбирала у котов пойманных птичек, смазывала их зеленкой и рыдала, когда кот все же добирался до оставленного без присмотра пациента, смогла ударить человека кулаком в лицо. От души, со всего размаху. Губа у Пантелеевой тут же начала вспухать.

Она стояла и в недоумении смотрела на меня, так же как и ее обалдевшая свита. Потом развернулась и вышла из класса, девочки последовали за ней.

Больше никто не пытался ко мне приставать, впрочем, и дружить тоже. Меня просто перестали

замечать. На некоторое время обо мне забыли.

* * *

День, когда он появился, не помню. Кажется, это была среда. Я сидела на подоконнике в своей комнате и наблюдала из окна за трамвайной остановкой, за пассажирами выходящими и заходящими в трамвай и просто прохожими. Я много времени проводила на подоконнике или за письменным столом у окна, высматривая соседей и знакомых выходящих из трамвая, внимательно разглядывая посторонних мне людей. Куда и откуда они спешат? Кто ждет их дома? Или вечером глазела в яркие окна соседних домов. В каждом из них были чьи то судьбы, настроения, страдания, маленькие победы и трагедии.

Он представился. Звали его как то на «а». Сочетание звуков было непривычным, вроде бы два «а» стояли рядом. Не помню. Имя было не длинным, но почему то очень сложным для запоминания. Он сказал, что для простоты общения можно называть его любимым именем. Я увлекалась тогда старым французским кино. Накануне посмотрела фильм «Повторный брак» с Бельмондо. Так в моей жизни появился Жан.

Впрочем сходства с французским актером у моего нового друга не было совершенно. Его

вообще достаточно сложно описать. Все в нем было каким-то... средним что ли. Не запоминающимся, без крайностей. Он был среднего возраста — лет 30–35. Наверное, с высоты моих 12, должен был показаться старым, но почему то этого не произошло. Среднего роста и телосложения. Волосы его были ни светлыми и ни темными, ни длинными и ни короткими. Черты лица приятными, а его выражение спокойным. Он никогда как то особенно ярко не проявлял эмоции, во всяком случае на моей памяти, но и бездушным роботом, язык не повернулся бы назвать. Сейчас приходит в голову, что все в нем было гармонично и сбалансировано, но тогда я не знала таких слов.

Только голос обладал какой-то удивительной глубиной, спокойствием и убедительностью. Он рассказывал мне очень интересные истории и отвечал на беспокоящие меня с раннего детства вопросы, ответы на которые мне не удавалось найти в книгах и у взрослых.

Как-то, расстроенная насмешками одноклассников над моей внешностью, спросила у Жана:

— Ну, посмотри на это: самая маленькая в классе, волосы темные, торчат, как их не причесывай, кожа бледная, веснушки еще эти... а ты мой нос видел?!

— А с носом то, что не так? — улыбнулся

глазами Жан, — Ты та кем должна быть именно здесь и сейчас, в это время и в этом месте. Ты не можешь быть ни кем другим, кроме как собой, и это правильно.

— Что правильно? Кому я вообще могу быть интересна? А еще на физ-ре опозорилась. Ты бы видел как на козла налетела... На попу шлепнулась при всем классе... Кто вообще придумал эту физкультуру? Почему я вся такая нескладная какая то? Все люди как люди...

— Если бы Творец захотел, он мог бы с легкостью создать нового Иисуса или Будду, но он создал тебя. И ты считаешь, что ты не важна и не значима? Ты настолько самоуверенна, что хочешь оспаривать Его замысел?

И хотя мне никогда не приходилось лезть за словом в карман, в этот раз я не нашла что ответить. Мы помолчали. С ним всегда было очень комфортно молчать.

— Кстати, Жан, недавно мне в руки попала книга об основах Буддизма. Интересный, на мой взгляд факт, Будда достиг просветления в день майского полнолуния на свое 35-летие? Ничего не напоминает?

— А что мне это должно напоминать? — , как всегда, одними глазами улыбнулся Жан.

Ну, помнишь «Мастера и Маргариту» Булгакова? Там говорится о том, что Христос тоже

был распят в день майского полнолуния, правда лет через 500 после просветления Будды и в возрасте 33. Странное совпадение, не правда ли?

— Лия, совпадений не существует, все подчиняется определенным законам и закономерностям. И если они нам не понятны, это не значит, что их нет. Запомни, девочка, ничто в мире не случайно, любое следствие имеет причину.

* * *

Как то так получилось, что Жан стал для меня единственным настоящим другом и авторитетом. Скрывать от него что-либо, притворяться, носить маски, было бессмысленно. Он знал обо мне значительно больше, чем я сама. Поэтому он был тем, с кем можно было быть самой собой. К его словам и советам я прислушивалась, даже если перед этим долго с ним спорила. Принимала на веру, то что он говорил, порой не совсем понимая его аргументы. Больше ни чье мнение не было для меня таким значимым: у меня по любому вопросу было свое, часто отличающееся от принятого в обществе.

А однажды ему удалось отговорить меня мстить, пресловутой Пантелеевой, хотя все козыри были у меня на руках. И месть казалась легкой и приятной.

— Мечь приносит короткое удовлетворение и длительное разрушение. Лия, учись прощать. Этот навык пригодиться в жизни как никакой другой.

— Ага, подставь вторую щеку. Где-то я уже это слышала.

— Щеки тебе еще пригодятся. Просто, если решила оставить человека в своей жизни — прости, искренне и не ожидая чего-то взамен, без припоминаний, оглядки и оговорок. Будто и не было ни чего. Если не можешь, поблагодари и отпусти его из своей жизни.

— А-а-а, еще и благодарить. За обиды? Предательство? — косо усмехнулась я.

— Конечно, ведь каждый кто обидел тебя, предал, отверг — был твоим учителем. Это больно. Но разве не больно ребенку, когда он падает, делая первые шаги. Если ты не дурак, в твоём случае, не дура, то вместо обид из неприятной ситуации сделаешь выводы и станешь, кем то немножко другим — сильнее, сострадательнее, мудрее. Человек как поток, как река. Вроде смотришь на реку — одна и та же, а старую воду уже унесло течением, она уже другая. Так и человек, каждое утро просыпается другим, хотя в зеркале видит одно и то же отражение. А еще задумайся о том, что чем несчастнее человек, тем он злее, а чем злее, тем несчастнее. Это замкнутый круг. Попробуй

посочувствовать ему: ты сможешь стать счастливой, а он если не постарается, что-то изменить в своей жизни — нет. Вообще прощать и благодарить, это основное чему стоит научиться, если хочешь сохранить физическое и психическое здоровье. Знаешь, что говорил упомянутый тобой Будда о гневе? — улыбнулся Жан.

Я отрицательно мотнула головой.

— «Держать в себе гнев, это как схватить горящий уголь с целью бросить в другого, — ты будешь один из тех, кто обожжется. В споре, в момент, когда ты начал чувствовать гнев, ты прекратил бороться за истину, а стал бороться только за себя. Ты не будешь наказан за свой гнев, ты будешь наказан своим гневом», — процитировал мой друг, — Отпускай свой гнев и обиды. Чувствовать их — нормально, культивировать, возвращать и мстить — разрушительно.

Я задумалась. И хотя прощать еще не научилась, решила послушать совета и не мстить.

А чего стоило его: «Ложись спать и ни о чем не беспокойся, все будет хорошо», сказанное тихим спокойным голосом, во время бурных, порой с рукоприкладством, ссор моих родителей. Как можно было спать, когда на кухне летала посуда, и переворачивалась мебель? Когда два самых близких тебе человека могли нанести друг другу вред? Поначалу его слова вызывали возражения, но голос

Жана был до того ровным, спокойным, убедительным, и каким-то обволакивающим что ли, что я верила ему и ложилась спать.

Рассказывать кому-то о своем друге желания не было. Мне ведь так хотелось быть «нормальной». Да, честно говоря, я и сама не очень то в него верила. Ведь как все хорошие девочки точно знала, что чудес не бывает. А тем кто видит каких то дяденек или слышит голоса, место известно где.

Если бы тогда рядом был любой мало-мальски грамотный детский психолог или психотерапевт, то смог бы мне объяснить, что все просто. Это все игры разума. На определенном жизненном этапе подросток остался один. Старший брат женился и ушел из дома, в классе — недопонимание, родители заняты выяснением своих отношений. Остались только бабушка и пару подружек из соседних квартир. Они были хорошие, с ними можно было во что-то поиграть, скоротать вечерок за обсуждением книги, или других интересных людям тем. Но даже ближайшие подруги не знали, что происходит в моем доме, а тем более внутреннем мире, что для меня действительно важно.

Но тогда психологи были не в моде, и мне ничего не оставалось делать, как с интересом слушать истории, предостережения и советы моего прекрасного Жана. Кое-что из того, что он

рассказывал, позабылось под грузом взрослой рутины. Кое-что стало важной составляющей моего мировоззрения.

* * *

Как обычно я сидела за письменным столом у окна своей комнаты и с отсутствующим видом ковыряла ногтем облупившуюся краску на пыльном подоконнике.

— Что грустишь? — голос Жана звучал, как всегда, ровно и слегка вкрадчиво.

— Да... как то так... навалилось все. Выпускные экзамены, поступать куда-то надо.

— А ты сама то куда хочешь?

— Да мне все равно как то, главное чтобы царицы наук — математики, не было. Жан, скажи, зачем вообще это все? — задала я давно тревоживший меня вопрос.

— Что все?

— Ну все... курсы английского, высшее образование, в дальнейшем семья, дети, работа. В чем смысл? Занять себя чем-то в ожидании завершения?

— Ты не оригинальна, это называется поиском смысла жизни, — улыбнулся мой друг, — хотя на самом деле все просто: смысл жизни — в жизни. Человек рожден для счастья, как птица для

полета. Кстати, не помнишь кто это сказал?

— А если серьезно?

— Если серьезно, смотря, что ты называешь «завершением», если смерть, то никому не удавалось еще ее избежать. А раз так, то, по-моему, лучше пройти свой земной путь радостно, а не с кислой миной.

— А какой смысл вообще в этом пути? Какой смысл учиться чему-то, влюбляться, рожать детей, зная, что им предстоит такой же путь? Зная, что люди будут ходить на работу, смеяться, грустить, смотреть кино, чистить зубы, а меня уже не будет?

— Это долгий разговор. Тебя страшит время, когда тебя не будет?

— Да.

— Но ведь тебя уже не было, до твоего рождения. Это время тебя не страшит?

— Как то, никогда над этим не задумывалась, — медленно проговорила я, — пожалуй нет.

— А почему?

— Ну, наверное, потому что это было в прошлом, — задумалась я, — а смерть мне еще предстоит.

— Не в первый раз. Пока тебе сложно это понять, всему свое время, просто поверь мне, девочка, нет никакого прошлого и будущего тоже нет. Есть только здесь и сейчас.

Мы посмотрели друг другу в глаза, каждый из нас молчал о чем то своем.

— А хочешь, научу тебя простой технике расслабления и избавления от проработанной энергии? — прервал тишину Жан.

— Как это?

— Проще говоря, от усталости, тревог и дурных мыслей.

— Давай.

— Прикрой глаза. Ляг лучше на диван. Расслабься. Твое тело становится тяжелым. Не обращай внимания на свои мысли. Не нужно их останавливать, но и цепляться за них не стоит. Пусть себе проходят мимо. Сосредоточься на дыхании: вдох-выдох-вдох-выдох. Выдох чуть длинней, чем вдох. Представь, что у тебя на макушке клапан. На выдохе он открывается и из него валит черный густой дым. Ты позволяешь ему выходить с той интенсивностью, с какой он хочет. Наблюдай за ним. Когда черный дым сменится белым, или же светлый будет существенно преобладать закрой клапан и полежи спокойно минут 15.

Я последовала его совету. И мое самочувствие существенно улучшилось. Голова стала легкой и светлой, а мысли потекли спокойно. Ощущения были такими, как после полноценного сна.

— Жан, у меня почему-то вместо дыма из

головы летели птицы, похожие на журавлей. — Это — нормально. У каждого свое видение энергетических потоков. Еще в качестве отличного энергетика и избавления от ненужной суетливости мыслей могу посоветовать Махамантру.

Я с сомнением посмотрела на Жана. Никогда не могла понять когда он шутит, а когда говорит серьезно. Мне как то всегда люди, собирающиеся толпой и с радостно-придуристым видом распеваящие хвалебные песни своим богам, всегда казались или мошенниками или блаженными.

— Ну да, а еще обриться наголо, выбросить обувь и надеть оранжевый балахон. Да, забыла — еще купить себе бубен и маракасы, — насмешливо сказала я.

— С музицированием у тебя всегда были проблемы, так что без бубна, пожалуй, обойдемся. И оранжевый тебе не к лицу. А если серьезно, искренняя вера и молитва, порой творят чудеса.

— Чудес не бывает. Я — материалист. А религия опиум для народа, коммерция. Сейчас храмы строятся, как кафе: главное, чтобы покраше фасад и на людном месте. Религия стала торговлей Богом и бронировкой мест в раю, — я презрительно фыркнула.

— Увы, ты во многом права. Но почему ты думаешь, что ты не можешь воспользоваться знаниями, той или иной религии или учения? Если

ты не растворяешься в них, это не значит, что это не для тебя. Ведь люди из века в век собирали эти знания и умения, хранили их и использовали.

Его слова вызвали у меня интерес.

— К примеру, что такое мантра, — продолжил мой наставник. Эти звуки как камертон настраивают тебя на космический энергетический поток. Можно получить эту энергию с помощью длительного воздержания, аскетизма, провести время на месте силы, энергетическом узле...

— Как это? — перебила я его.

— Места силы — святыни, которые строились с учетом энергетических потоков, места где произошли какие-то серьезные баталии, массовые казни или куда люди приходят помолиться, принести жертву, совершить обряд. Они пропитаны энергетикой и подключиться к потоку там довольно-таки просто. Существуют также природные энергетические узлы...

— Принести жертву? Казни? Битвы? Но ведь там должна быть ужасная энергетика? — удивилась я.

— Энергия всегда нейтральна и только человек, пропуская через себя, наделяет ее плюсом или минусом, в зависимости от своих намерений. Это как розетка. Ей все равно какой прибор в нее включен и для какой цели. Итак, можно получить энергию доведя себя до определенного

энергоемкого состояния — голоданием, воздержанием и так далее, а можно просто петь мантры. Они написаны мудрецами древности на санскрите специально для быстрого подключения к потокам энергии. При этом не обязательно, хотя перед тем как петь не мешало бы разобраться, понимать слова или же принадлежать к определенному вероисповеданию.

— А православные молитвы?

— Они тоже имеют силу, но действуют несколько по другому принципу. Христианство моложе и здесь как раз ключевая сила в искренней вере. Хотя порой «Отче наш» помогает и закоренелым атеистам. Вообще религия и Бог, совершенно разные вещи, а зачастую и взаимоисключающие, — с какой-то лишь ему ведомой грустью сказал Жан.

* * *

А потом он пропал также внезапно, как и появился. Все мои попытки поговорить с ним, ни к чему не приводили, не было знакомого обволакивающего тепла его присутствия. Задавая ему вопросы, обращаясь за советом, понимала, что это лишь имитация беседы — я говорю сама с собой.

В дальнейшей моей жизни он появлялся,

по-моему, два раза. Однажды, заявился ни с того ни с сего, после пятилетней отлучки и сказал, что мне немедленно нужно расстаться с сигаретами. Мотивируя тем, что я «глушу себя», впрочем, подробней, что это значит объяснить не удосужился. И еще, наверное, года через три в какой-то критический момент тревожных вечерних раздумий, вроде бы были какие-то проблемы на работе, прогнал бессонницу своим обычным для меня когда-то: «Ложись спать, ни о чем не беспокойся, все будет хорошо, поверь мне».

Кстати, проблемы, которые не давали мне заснуть в действительности, как потом выяснилось, оказались пустяком. Он, традиционно, оказался прав.

Глава 2

«Гимнастика йогов — это технология, позволяющая оптимально настроить тело и сознание под те задачи, которые человеку нужно решать по жизни»

А.В.Сидерский

После вуза, мне несказанно повезло — совершенно случайно устроилась на работу в ведущее информагентство страны: поначалу оператором компьютерного набора текста, а потом

корреспондентом в отдел политических новостей. Люди там работали интересные, яркие, самобытные и мне было чему у них поучиться. Я обожала этих ребят. Каждый был с тараканами, но все их (и мои, в том числе) тараканы между собой отлично ладили.

Очень быстро меня научили в слепую набирать текст на клавиатуре, выполнять работу в нереально сжатые сроки, вместо выходных проводить время на митингах, пресс-конференциях и других политических мероприятиях, смотреть арт-хаус и читать правильные книги. А также пить спиртное, привозимое журналистами в презент любимой редакции со всех уголков мира. И курить, чтобы узнавать новости первым, так как все интересные беседы велись в курилке.

Поначалу было необычайно интересно, еще бы возможность встречаться и разговаривать с политической элитой страны и некоторыми главами зарубежных государств, посещать закрытые мероприятия, на которых часто можно было неплохо поесть. Кстати, я узнала, что журналист на работе, как воробей: способен съесть еды, в несколько раз больше своего веса.

Потом как то все поднадоело. При ближайшем рассмотрении, многие политические лидеры оказались людьми не интересными, несчастными, а порой и глупыми. И писать кто из них, что с умным

видом заявил и, что думает по тому или иному поводу, стало казаться мне не таким уж осмысленным и полезным занятием.

Мои отношения с родителями совсем разладились. Я не могла им простить своего детского ужаса перед ссорами и скандалами, ночей, когда я просыпалась от их криков и стуков. Винила в душе в том, что их постоянное выяснение отношений свело раньше срока в могилу бабушку. Я ни о чем этом им не говорила, просто как только появилась возможность сняла квартиру и съехала, стараясь навещать их только на дни рождения и не звонить без особого повода.

С личной жизнью все было тоже как то неопределенно. Периодически кто-то начинал за мной ухаживать, но как правило, после первого свидания мне становилось скучно.

В общем жизнь как жизнь. Как у нормальных людей: вроде и жаловаться не на что, но и радоваться как то не чему.

* * *

Погруженная в свои мысли, я шлепала от метро по раскисшему снегу и не заметила как, случайно налетела на столб.

— Ай, — я потерла ушибленное плечо, и с укором посмотрела на обидчика.

Столб стоял, как ему и положено, недвижно. На нем красовался нежно-голубой листок с цветком лотоса — одно единственное объявление: «Йога-студия «Шанти». Запись на бесплатное пробное занятие по тел...»

Йога. Что это вообще такое? Нет, я конечно, имела какое-то общее и размытое мнение о том что это. Где-то читала или слышала, что йога это путь к счастью и здоровью. Что она творит чудеса, в которые, как вы помните, я не верю с детства. Может вот он мой шанс сбежать от рутины будней? Я задумалась. Что это спорт? Секта? На ум сразу пришла картинка из детской книжки: тощий бородатый дяденька в чалме лежит на доске с гвоздями.

Йога, значит... Я вздохнула и задумалась. Жан всегда говорил, что случайностей не бывает. Может не спроста на меня напал этот столб? А... что я теряю, занятие то бесплатное и пробное. Не уложат же они меня и правда на гвозди. Я позвонила и договорилась о встрече.

* * *

В йога-студию пришла на 10 минут раньше оговоренного времени.

Постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, заглянула внутрь. Вопреки ожиданиям это

оказалось просторное светлое помещение, занимающее последний этаж маленького торгового центра. Гвоздей не наблюдалось, как впрочем и дяденек в чалме. Навстречу мне вышла очень приятная девушка с ярко-голубыми глазами, открытым лицом и светло-русыми волосами, заплетенными в косу.

— Я вам звонила и договаривалась о встрече, — громко проговорила я.

— Тсс, у нас шавасана, — сказала она шепотом, указав рукой на лежащих на ковриках, раскинув руки и ноги, людей, — Подождите 10 минут. Там за дверью диванчик есть.

Вскоре она вышла, как и обещала. Мы представились друг другу и я задала волнующий меня вопрос о возможности достигнуть с помощью йоги счастья. Таня, так звали хозяйку студии, задумалась и ответила:

— Сама часто пытаюсь понять, почему монаху йога помогает достичь самадхи, бизнесмену — принять верное решение, а больному — поправить свое здоровье. И вот к какому выводу прихожу: вариантность благ от йоги зависит от целей практикующего. Все что делает йога, это помогает убирать из жизни все лишнее. Отключить суету, вынести мусор. А что, в вашей жизни является мусором, решать только вам. Здесь нет никакого волшебства.

Ее ответ мне понравился. Решено — попробую.

— Да, кстати, а что такое шавасана?

Любопытной я была с детства.

* * *

Прошло чуть больше года, с начала регулярных групповых занятий в студии, а затем и индивидуальных.

Несмотря на мою ненависть к спорту и прочим физическим нагрузкам, привитую школьными уроками физкультуры, на первом же занятии, я поняла, что это мое. Пусть по началу мало что получалось, но удовольствие доставлял сам процесс и ощущение себя большим, добрым и сильным после занятий.

Чуда не произошло, но моя жизнь стала как то немного радостней, осознанней. Из нее ушла суета и бессмысленные тревоги. Да и физическая форма стала значительно лучше: начало тянуться, то что никогда не тянулось и сгибаться, казалось бы негибаемое, что не могло не сказаться положительно на моем здоровье и внешнем виде.

Я рассталась с вредными привычками и наработала новую — медитировать. Изначально меня пугало все, что было связано с отключением ума или его успокоением. Мне казалось, что это

ведет к деградации. Но со временем я поняла, что медитация, только развивает мои интеллектуальные способности. После нее у меня получается намного легче находить выход из сложных ситуаций. Ушла суета, а разум стал острее. Пришло понимание, что йога это не спорт и не религия, это образ мысли, а как следствие и жизни.

Теперь я знала, что такое шавасана. Учите матчасть, как говорит мой выпускающий редактор. Итак, «шава» на санскрите означает «труп». Для практики этой асаны следует лечь на пол в позу трупа, раскинув руки и ноги, и обездвижить тело для того, чтобы обеспечить полное расслабление всех его частей и снять напряжение как физическое, психическое, так и ментальное.

Эта поза вознаграждение за труды на занятии, а еще во время ее практики порой возникают очень интересные ощущения. У меня во всяком случае. Иногда это сияние исходящее от моего тела, вокруг него словно струилась золотая пыль, временами ощущала себя далеко за пределами своего тела, необъятно большой, растекающейся по земле. Порой оказывалась лежащей на поле белых люминесцентных цветов от которых заряжалась здоровьем и энергией, или в безлюдной бухте океана на нагретом за день солнцем песке.

После таких практик я чувствовала себя особенно отдохнувшей, спокойной и

сфокусированной, способной к любым свершениям. А возникавшие на жизненном пути проблемы казалось бы решались сами собой. Как я и люблю: никаких чудес — просто мудрость поколений и регулярные тренировки.

* * *

Отпуск в этом году взяла в апреле, чем несказанно порадовала начальство. Ехать в Турцию или Египет на «все включено» казалось не привлекательным, да и, в связи с общей политической ситуацией в мире, не безопасным. Совершенно случайно мне в руки попала листовочка с рекламой йога-тура на Панган в Таиланд. Мне это показалось интересным, порадовала и цена. Как мне объяснили в турагентстве там в это время начинается низкий сезон, так как возможны дожди.

Это меня не пугало, да и в душе все же надеялась, что повезет и дожди начнутся на недельку позднее, после моего отъезда.

Итак, рюкзак собран, самое время вызывать такси и ехать в аэропорт.

* * *

Если есть рай на земле, то он здесь и сейчас.

Чудесное и волшебное место. До приезда сюда, всегда думала, что такие виды бывают только в рекламе «Баунти». Я стояла на возвышенности и вдыхала полной грудью воздух Пангана. Сиамский залив, тропические джунгли, водопады, горы, голубые лагуны, уютные бухты с просторными пляжами, усыпанными белым, как мука песком. Чего здесь только не было! Потрясало, как все это могло поместиться на таком небольшом, казалось бы, острове. А еще это был рай для дайверов — удивительной красоты коралловые рифы, населенные диковинными обитателями, поражали воображение искушенных ныряльщиков.

В одной из таких бухт и расположился наш лагерь. Компания подобралась пестрая, люди, как и предполагалось, интересные. Все были общительны и дружелюбны, но в душу никто не лез, каждый оставался на своей волне, немножечко в себе. Совместно мы практиковали йогу, медитировали, занимались дайвингом, готовили не хитрую снедь. Я со всеми с удовольствием общалась, но ни с кем, впрочем, особенно не сближалась. Кроме, пожалуй, куратора нашей группы, а по совместительству инструктора по йоге Андрея.

Это был сухощавый человек невысокого роста и неопределенного возраста с гладко выбритой головой и какими-то одновременно смиренными и задорными глазами. Их выражение, казалось бы,

говорило: «я много, чего знаю, но всему свое время». Однажды у нас с ним состоялся интересный разговор. Если бы я тогда знала какие последствия будут у нашей беседы...

* * *

Солнце на Пангане садиться рано. Во всяком случае в апреле. Уже в полседьмого вечера начинает смеркаться, и вскоре приходит темнота. После вечерней практики, мне захотелось сходить на пляж, тем более он был в полном смысле слова в двух шагах от нашего бунгало. Думала, просто посидеть в одиночестве, посмотреть на залив и звезды. Привычным движением набросила на плечо ремешок от коврика для йоги и пошла к заливу.

Уже подойдя к воде увидела, что на песке кто-то сидит. Оказалось Андрей. Мне стало неловко. Я хотела тихонько уйти, чтобы не мешать. Но он почувствовал меня и сказал:

— Если тебе не мешает мое присутствие — присоединяйся.

Я беззвучно опустилась на расстеленный рядом коврик и мы стали молча смотреть на звезды.

— Красиво, — одними губами сказала я, — жаль, что не знаю, где какое созвездие.

— И гороскопами, что ли никогда не увлекалась? — удивился Андрей.

— Нет, знаю только, что зодиакальных знаков двенадцать.

— Вообще-то тринадцать. Еще существует Змееносец. Вон он смотри какой большой.

— Где? — заинтересовалась я.

— Видишь созвездие в виде W? Это Кассиопея, а рядом, смотри Змееносец.

— Да, вижу, — образовалась я.

— Астрологи не считают Змееносец зодиакальным созвездием, хотя Солнце проводит в нём 20 дней: с 27 ноября по 17 декабря. Интересно, что в санскритских учениях это созвездие представляли в виде Кришны — одного из индуистских богов, удерживающего змея за хвост и стоящего одной ногой на голове чудовища.

— Я читала о Кришне. «Как в одном теле воплощенная душа переходит из детства в юность, а затем — в старость, так и по смерти этого тела она переходит в другое тело. Мудрого человека не беспокоит такая перемена», — процитировала я «Бхагавад-гиту».

— Так и есть.

— Андрей, скажите, если душа, переходит из одного воплощения в другое. Почему не остается воспоминаний о прошлой жизни?

— Не всегда. Если человек проживает долгую жизнь и умирает естественной смертью, как правило, ничего не помнит. А если его жизнь

прерывается внезапно, насильственно в молодом возрасте, то, случается, кое-какие воспоминания, неуловимые ощущения остаются. Особенно в первые годы жизни. Попробуй, когда-нибудь спросить ребенка до 3–4 лет, кем он был в прошлой жизни. А ты сама то ничего такого в детстве не чувствовала?

Я задумалась:

— Вроде, нет. Разве что в первые годы жизни меня как то удивляло то, что я не мальчик. Не то чтобы я хотела им быть, или это было каким-то образом связано с сексуальным восприятием себя, просто иногда, глядя в зеркало я казалось бы ожидала увидеть в нем другое отражение. Родители со смехом рассказывали, что в возрасте 3 лет я говорила: «Это я сейчас маленькая, а потом вырасту и буду писать стоя». А бабушка возмущалась, что я надеваю юбку через ноги, а в футболку сначала просовываю руки, а потом голову. Говорила, что так делают мальчики, а девочки надевают футболку с головы, так как берегут прическу. Хотя может это случайность...

— Случайность? — улыбнулся Андрей и легко встал с коврика. — Ну ладно, пошли может? Прохладно уже.

* * *

Сегодня был мой последний день на Пангане, завтра с утра в аэропорт и домой. Я с легкой грустью думала об отъезде. Какие прекрасные воспоминания, впечатления и фотографии я привезу отсюда. Я пообещала себе, что обязательно когда-нибудь еще сюда вернусь.

В завершение мы должны были отправиться практиковать в действующий буддистский храм с панорамным видом на весь остров.

Это было прекрасное место, наполненное какой-то неуловимой чистотой и духовностью. Практика в нем была легкой и приятной, я полностью растворилась в асанах, испытал незнакомое мне до сих пор чувство. Наступило время шавасаны.

Я лежала на полу храма, голос инструктора убаюкивал:

— Все ваше тело расслабляется...

Я бы и рада, была последовать его словам, но совершенно не чувствовала своего тела. Видела его, лежащим на розовом коврикe с желтой надписью «Reebok», а над ним было яркое световое пятно, пятиугольник неправильной формы. Оно как тряпочка полоскалось на ветру. Улететь ему не давали длинные концы, прикрепленные к рукам и ногам моего тела. Вдруг ветер усилился, пятно затрепетало сильнее, сильнее, сильнее... вот оно оторвалось и полетело вверх. Все закружилось

передо мной, как на карусели, и меня понесло в яркую радужную воронку. А потом наступила тьма.

Глава 3

«Я сижу и смотрю в чужое небо из чужого окна...»

В.Цой

Я открыла глаза, хотя по сути ничего не изменилось. Тьма была такой, что они мало чем могли помочь. Почему-то ужасно болела голова. По лбу текло нечто, скользкое и липкое. Потерла его рукой, поднесла к носу, понюхала. Похоже кровь. Попыталась сесть. Резкая боль вновь ударила в голову. Все же мне удалось встать на колени. Ощупала руками то место, в котором нахожусь. Со всех сторон под руками были камни. Я в пещере? Подняла голову, надо мной было черное, затянутое тучами небо. Почему же так холодно и где звезды? Ветер принес запах моря. С трудом встала на ноги. И поняла, что лежала в расщелине между камнями.

При попытке выбраться из своего укрытия, споткнулась и упала во что-то липкое. Определенно, где-то рядом море. До меня доносился звук плеска волн и соленый характерный запах. В Таиланде, конечно, ночи прохладные, но не на столько же. Казалось холод пробрался в каждую клеточку моего тела.

Встала на четвереньки. Да, что это такое?! В это время тучи на небе рассеялись и вышла луна. Мне удалось подняться на ноги. Взгляд скользнул вниз. Передо мной, как то неестественно скрючившись на черном от крови песке лежал человек. Я в ужасе отвела от него взгляд.

Свет луны озарил каменистый берег, бухту, огражденную от мира огромными валунами, и разбросанные по песку человеческие тела. Мне было не до подсчетов, но их было много. Они были мертвы. И совершенно точно умерли не от инфаркта. Об этом свидетельствовали рваные раны, почерневший от крови песок и неестественные позы, говорящие об их страданиях перед смертью.

Волна панического животного страха захлестнула меня целиком. В этот момент способность думать была утеряна. Куда угодно. Главное подальше от этого страшного места. Было не важно сейчас, где я, а тем более кем были погибшие. Это какой-то страшный сон. Бежать, главное бежать. Пошатываясь, побрела вправо по скалистому берегу. Это совершенно не похоже на Панган, отметила я краем сознания. Не важно. Главное, нужно найти людей, они помогут мне. Не знаю сколько времени продолжалось мое бегство, но небо начало сереть. Я шла спотыкаясь и сбивая ноги о камни, настолько быстро, насколько это было возможно. Даже забыла на время о холоде.

По-моему, впереди какое-то поселение. Во всяком случае крутая тропинка от берега указывала на то, что населенный пункт где-то рядом.

Самообладание начало понемногу ко мне возвращаться. Нужно обязательно умыться перед тем как показаться людям. На лице наверняка запеклась кровь да и руки ею испачканы. Я посмотрела на них и новая волна неведомого мне до сих пор ужаса накрыла меня. Что же это твориться? Это определенно дурной сон. Руки были мужскими.

Совершенно точно эта широкая ладонь, обломанные ногти и сбитые костяшки пальцев никак не могли принадлежать мне. Попыталась успокоится и поняла, что определенно вижу мир не со своего роста, я стала, как минимум, на голову выше. Оглядела себя повнимательней. На мне были брюки, светлая некогда рубаха и жилет. Провела рукой по лицу под пальцами была жесткая щетина. Бред какой-то. Может я сплю? Или в коме?

Я подошла к морю, ополоснула руки и умылась, безуспешно пытаюсь рассмотреть в темной воде свое отражение. Вода была мокрой, холодной и совершенно реальной, так же как и саднящая боль при попадании соли в стесанных на камнях руках и разбитом лице. После омовения в голове слегка прояснилось и я пошла вверх по тропинке. Почему-то очень хотелось курить.

Тропа вывела меня на узкую грунтовую дорогу. Сворачивать было не куда и я пошла прямо. Вскоре увидела указатель, на котором на одном гвозде болталась доска. «Хокхерст» — надпись была на английском.

К тому времени солнце уже поднялось над горизонтом и осветило своим бледным, пробивающимся сквозь тучи лучом, небольшой городок на моем пути. Он словно сошел с учебника по истории. Мрачные серые каменные дома в один, реже два этажа ютились вокруг узкой грунтовой дороги. Возможно, таким унылым город показался мне после пестреющего всеми красками Пангана. Здесь же весна только начала вступать в свои права: газоны вокруг домов уже начали покрываться зеленью, но на деревьях все еще не было листвы. Вывески на фасадах говорили о том, что здесь можно купить хлеб или починить обувь.

Мимо изредка проходили горожане, примерно так они могли бы выглядеть если бы были современниками д'Артаньяна, а возможно и его земляками. Хотя пожалуй, судя по костюмам, всем известный мушкетер мог приходиться им дедом, ну или прадедом. И это явно не Франция, но точно Старый Свет. Вероятнее всего судя по надписям —

Великобритания. Завидев меня прохожие шарахались и ускоряли шаг. Когда же я проснусь?

В желудке начинало слегка подсасывать. Удивительно, что после таких событий я могу еще думать о еде. Солнце уже поднялось, утро было в разгаре. За углом показалась рыночная площадь. Аромат свежей выпечки смешивался со зловонным запахом города, в котором совершенно точно не было канализации.

Несмотря на своеобразное амбре, есть захотелось еще сильнее. Я прошла вперед. Двое каких то крепких на вид ребят боролись напотеху ротозеям. Зеваки обступили их жидким кружком, хохотали и улюлюкали, подбадривая спорщиков. Я стала позади толстого мужчины, который благоухал вчерашним перегаром, чесноком и почему-то мятой.

И вдруг произошло, нечто не объяснимое. Смутно вспомнилось, как в детстве я не контролируя себя ударила по лицу одноклассницу Аллу Пантелееву. Так и сейчас мои руки, не спрашивая разрешения, ловко вытащили кошель у стоящего передо мной толстяка. У меня никогда не было криминального опыта и произошедшее вызвало изумление. Мужчина что-то почувствовал, оглянулся, подозрительно посмотрел на меня и стал ощупывать карманы.

Я быстрым шагом пошла по дороге не

оглядываясь. «Держи вора!», несло мне в след. Ускорив шаг, бросилась в лабиринт улиц, словно точно знала, как запутать преследователей. Вскоре голоса стихли. Ноги сами вывели меня к трактиру с вывеской «Звезда и орел». Это было очень, кстати, так как есть хотелось невыносимо. Да и поспать не мешало бы. А вдруг усну и проснусь в Таиланде?

* * *

Интерьер трактира полностью соответствовал его экстерьеру и вполне оправдал мои ожидания — каменные кривые стены, темные деревянные балки под потолком, тяжелые рубленые столы и лавки. Может быть дело было в утреннем времени, но посетителей в заведении практически не было: усталая, наверное засидевшаяся еще с ночи компашка, да неопределенного возраста мужичек курил трубку за столиком у стены.

За стойкой стоял пожилой полноватый мужчина с широким добродушным лицом, примечательным круглым раздвоенным подбородком. Казалось он в любой момент готов был улыбнуться. Увидев меня его цепкие, хитрые, выдавшие виды глаза, расширились от удивления. Трактирщик вопросительно посмотрел на меня и словно бы хотел, что-то сказать, но потерял дар речи.

— Доброе утро, — я старалась быть вежливой, но голос не слушался и хрипел. Я прокашлялась: — Можно мне снять у вас комнату и поесть?

Тембр был низким и хриплым, определенно мужским. Да что за бред то, в конце концов!

Мужчина наклонил голову и замер, брови его поползли вверх. Казалось он услышал, нечто весьма забавное:

— Это все, сэр? — спросил он, справившись со своим удивлением.

— Да, — коротко ответила я.

То что он назвал меня сэром подтвердило, что я, по-видимому, сплю. Или это групповые галлюцинации?

— А еще горячей воды, чтобы умыться.

Что-то мне подсказывало, что водоснабжения в этом чудесном заведении нет, а горячий душ сейчас совсем бы не помешал. Словно прочитав мои мысли трактирщик предложил:

— Может быть сэр желает принять ванну? — голос его звучал как то издевательски. Хотя казалось бы я не просила у него ничего не обычного.

— Не откажусь, — ответила я, — очень хочется есть, может быть вы покормите меня чем-нибудь, а обслуживающий персонал пока согреет мне воды.

— Как скажете, сэ, — серьезно ответил трактирщик, похоже он тертый калач и смог так справиться с удивлением.

* * *

Перекусив жидкой овсянкой на молоке, я взяла у трактирщика тяжелый, потемневший от времени ключ и поднялась по лестнице в маленькую комнатку под крышей. На удивление бочка с теплой водой уже стояла там. Правда она была старой и весьма закопченной. Я провела ногтем по внутренней поверхности — под ним осталась грязь. Вода была мутноватой, кое-где покрытой зеленой пленочкой. Но выбирать не приходилось. Рядом на кровати лежало серое от старости полотенце, маленький кусок мыла и опасная бритва. Ну что ж привести себя в порядок не помешает.

На стене висело видавшее виды потрескавшееся зеркало в темной деревянной раме. С замиранием сердца я подошла и наклонилась к нему.

Из него на меня смотрела совершенно жуткая бандитская, несколько дней не бритая, рожа. Темные чуть раскосые глаза, крупный нос. Толстый короткий шрам пересекавший губу с правой стороны, делал ее слегка вздернутой и придавал

всему облику какое-то дерзкое насмешливое выражение. Все это великолепие обрамляли темные спутанные, некогда слегка вьющиеся волосы.

Самым страшным было то, что это лицо было мне хорошо знакомо. Мурашки побежали по телу. Откуда-то из подсознания пришло воспоминание, что слева на животе чуть ниже ребер, должен быть шрам, полученный в результате пьяной поножовщины. Да, так и есть. Я определенно знала это лицо. Оно принадлежало Томасу Кингсмилу. «Совнику», или как их называли в 18 веке здесь, на Юго-Востоке Англии — «owlers». Опасному контрабандисту, главарю самой жестокой, нагонявшей ужас на всю округу, хокхерстской банды. Это лицо было знакомо мне до малейшей черточки. Оно было таким родным и некогда любимым. Иначе и быть не могло. Это было мое лицо.

Яркий свет, словно разом зажглись тысячи прожекторов, ударил мне в голову. В ней замелькали картинки, будто бы включился старый кинопроектор. Кровь прилила к лицу. Память о прошлой жизни возвращалась ко мне.

Глава 4

«В океане пути не находят суда, затянулись дождем Пиренеи и Анды. Нам такая собачья погода

подходит как никогда: мы возьмем контрабанду.»

«Мельница»

Томас Кингсмил родился на берегу Ла-Манша в деревне Дил, расположившейся в крайнем юго-восточном углу Англии в графстве Кент. Он был пятым сыном в семье рыбака. Ну как рыбака? О деревне Дил, говорили, что каждый дом в ней принадлежит контрабандисту. Рыбаки этой, как и других прибрежных деревень, выходили в море и привозили улов: чай, кружева, вино. Поначалу, пока таможенные законы не ужесточились, можно было увидеть, как они среди бела дня выкладывали свой товар прямо на прибрежном песке и вели бойкую торговлю.

Отец мальчика был человеком суровым: огромный как гора, с маленькими близко посаженными злыми глазами и тяжелым узким лбом, на который спадали прямые пшеничного цвета волосы. Четверо старших братьев были точной копией родителя.

Томас же пошел в мать, некогда веселую черноволосую красавицу с тонким гибким телом. Правда мальчик ее такой совсем не помнил. Сына она родила в немолодом уже возрасте, ей было за 30. К тому времени она превратилась в тихую, седую женщину, боявшуюся лишней раз поднять глаза.

Младшего сына отец не любил и мальчик точно знал за что. Впрочем, это не было секретом — знала вся деревня. Не раз соседи слышали как Кингсвилл, когда был не в духе говорил жене:

— Прижила выродка пока я был в море, потаскуха, а мне теперь корми. Погляди, вот мои сыновья, плоть от плоти. Как этот слабак может быть моим сыном, да он сдохнет скоро.

Не раз, когда отец был сильно пьян, он пытался выколотить из матери имя прелюбодея.

Братья, во всем подражавшие и угождавшие родителю, тоже изо всех сил старались задеть младшего.

— Смотри, задохлик, сегодня на берег не ходи там сильный ветер может сдуть. Не отправляйте его за дровами, ему их не дотащить. Как пить, дать к зиме сдохнет.

Действительно маленький Томас не отличался крепким здоровьем и крупным телосложением. И только благодаря тихим заботам матери и удивительной жизненной цепкости, ему удалось к 14 годам не только остаться в живых, вопреки ожиданиям родни, но и вырасти в достаточно сильного и крепкого парня. Хотя ему было конечно далеко до горообразного отца и братьев.

* * *

Однажды, дело было осенью, братья разожгли возле дома костер, чтобы сжечь мусор и опавшие листья.

— Глядите, что попало мне в силки! — в руках самого старшего брата Бэна трепыхалась ворона. — Давайте кинем ее в костер, посмотрим, сможет ли она улететь.

— Бэн, отпусти птицу, — тихо попросил Томас.

— Или что? — с угрозой в голосе Бэн стал надвигаться на брата.

Мальчик молча, не дожидаясь удара, кинулся под ноги огромному Бэну. Подкат и тот неуклюжей глыбой растянулся на земле. Ворона, воспользовавшись ситуацией, с карканьем взмыла в небо.

— Ах ты, сучонок, — Бэн бросился на брата, повалил на землю, придавив его всей своей массой. Томас чувствовал тяжесть его тела и запах чеснока изо рта. Затем последовал сильный удар в лицо.

— Веселье мне решил испортить. Птица то улетела. Значит я тебя брошу в костер.

Бэн схватил Томаса за ногу и потащил к огню. Тащить сопротивляющегося изо всех сил брата оказалось не просто и Бэн решил устроить расправу на месте.

Вырвавшись из крепких братских объятий, весь в крови с распухшим лицом мальчик

пошатываясь вошел в дом. Стесанная о камни в кровь рука придерживала оторванный рукав рубахи. Сидящий за столом, уже изрядно пьяный отец завидев младшего заорал:

— Старуха, посмеешь сегодня покормить этого выродка убью! — огромный кулачище как молот ударил по столу, — Рубаха то новая нынче не дешево стоит. Кормлю его уже сколько лет, пора ему и долг отдавать. Пускай идет в город подмастерьем или к своему настоящему родителю, пусть тот его кормит.

Ночью, когда пьяный отец храпел на весь дом, мать украдкой пока не видят братья, сунула младшему сыну кусок хлеба.

— Мам, я и правда пойду в город, — тихим спокойным голосом сказал Томас. — Может, если я не буду мозолить ему глаза, он станет к тебе немного добрее.

Мать вздохнула, робко, не глядя в глаза, погладила сына по голове и молча ушла.

* * *

В Хокхерсте парню повезло. В поисках работы он забрел в трактир «Звезда и орел», который принадлежал скромному добродушному торговцу, отцу двоих детей, а по совместительству одному из крупнейших теневых воротил, королю

контрабандистов Айзеку Гулливеру. Ему чем то приглянулся крепкий малец с разбитым лицом и затравленным как у волчонка взглядом. Мужчина взял его к себе в трактир на черновые работы, а позже привлек и к другим своим делам.

Король «совников» очень гордился тем, что на его руках, в отличии от большинства контрабандистской братии, нет крови. И это было чистой правдой. Айзек никогда никого не убивал, не грабил, ни разу даже не выходил в море за товаром. А еще обожал и всячески баловал толстуху жену и двух милых малышей — сына Питера и дочурку Элизабет. Гулливер нанимал детям лучших учителей, мечтая вырастить из сына настоящего джентльмена, а дочь выдать замуж, уж если не за лорда, то за человека из достойной обеспеченной семьи.

Айзек Гулливер был владельцем прибрежных земель. Особенно нравилось ему выкупать отдаленные каменистые, заросшие кустарником бухты, ведь там легко можно было организовать якорные стоянки и спрятать корабли с грузом, которых, как поговаривали, в его флоте было пятнадцать. В общем это действительно было целое королевство, где можно было грузить и складировать товар без всякой опасности. А еще у него были серьезные связи в Лондоне и других городах, так что его люди могли не волноваться

насчет сбыта. Поэтому многие окрестные банды объединились под знаменем короля контрабандистов. У каждой из них был свой главарь, но все они работали на Айзека. За любовь к ночной работе и условному знаку ухастью совы местное население прозвало людей Гулливера «совниками». По ночам из прибрежных деревень отправлялись целые караваны груженные контрафактным товаром. Местные жители старались их не замечать.

Такой невероятный рост контрабанды по всему южному побережью был связан с быстрым развитием международной торговли. А также с постоянными военными действиями, которые вело Королевство. В начале 18-го века — война с Францией, затем Испанией, потом борьба за Австрийское наследство. Бои не только на суше, но и на море, как например, Тулонский бой — в связи с попыткой раздела владений Дома Австрийских Габсбургов. Соответственно государству нужны были деньги на оружие и новые корабли. Кроме того, беспокойство доставляли постоянные волнения в Ирландии, а после и Шотландии. Правительство всеми силами пыталось укрепить центральную власть, тратя безумные деньги на флот и армию. Государственные расходы росли, казна пустела и появилась острая необходимость в пополнении бюджета. Не было придумано ничего

лучше, чем повысить налоги и таможенные пошлины. Основой экономики стал меркантилизм, согласно которому — государство тем богаче, чем больше денег у него в обороте. Потому экспорт всячески приветствовался, а импорт — сокращался. А как известно, нет лучшего средства борьбы с импортом, чем высокие таможенные пошлины.

В жертву новой экономической политике были принесены потребительские товары, не входящие в число стратегически важных для государства: кружева, спиртные напитки, кофе и чай. Народ тихо возмущался, а размах контрабанды увеличивался.

* * *

В кругу контрабандистов Кингсмил очень скоро приобрел известность, и заслужил авторитет. Его считали хитрым, безжалостным и совершенно лишенным страха. Правда, замечали, что за зря крови он никогда не лил, но врагов не щадил. Поэтому попадать в их число мало кому хотелось. Вскоре Томас Кингсмил возглавил одну из самых жестоких банд — хокхерстскую.

Особую известность он приобрел после беспощадной разборки с бандой из соседней деревушки Гоудхерст, которая намеревалась кинуть Айзека Гулливера на одиннадцать тонн чая. Король

контрабандистов поручил решить этот вопрос своему воспитаннику. Томас договорился с главарем гоудхерстцев о встрече, на которой завел речь о компенсации за обман и потерянный Айзеком заработок. Тот послал главаря хокхерстцев куда подальше, не забыв упомянуть при этом его мать и других близких и дальних родственников. Кингсмил сказал, что придет за деньгами прямо к ним в деревню, и если они не захотят платить перережет там всех до единого. Разговор велся в трактире в присутствии боевиков из обеих банд. Никто из них и не предполагал, что Томас на самом деле отважится на такую дерзость — напасть на деревню контрабандистов. Но они еще не знали Кингсмилу. Он сдержал свое слово.

Через несколько дней главарь с вооруженными до зубов бойцами ворвался в деревню. Завязалось кровавое сражение. Многие мужчины Гоудхерста в то время были в море, оставшиеся не смогли удержать оборону. Чай был найден в амбаре при церкви, перегружен на повозки и отправлен на склады хокхерстцев. Все кто не успел спрятаться, были убиты. Надо сказать, что женщин и детей не трогали, хотя без насилия, конечно не обошлось. Сам же Томас насильников не очень жаловал. Да и вообще имел своеобразное представление о справедливости.

Когда во время карательной операции в

Гоудхерсте, он вошел в дом одного из членов недобитой банды — Громилы Робертса, известного своей недюжинной силой, в доме было пятеро хокхерстцев. Робертс валялся связанным на полу, а Разиня, один из людей Кингсмил, забавы ради зверски избивал его ногами. Жена и маленький сын Громилы сидели в углу за столом вжавшись в лавку и тихо всхлипывали.

Томас замер в дверном проеме, с минуту смотрел на происходящее, глаза его загорелись нехорошим блеском.

— Разинюшка, хочешь убить убей, но что ж ты его то связанного молотишь. Развяжи его, да еще поприставай к его жене, а потом мы посмотрим кто кого, — ласково посоветовал Томас.

Разиня замер.

— Да ты че, Кингсмил, шутишь, наверное, он вон какой здоровенный. Мы его впятером еле заломали.

— Свифт, развяжи, Громилу, — отдал Томас короткий приказ одному из бойцов.

— Да ну, Кингсмил, мы его и правда еле заломали, — вяло возразил рыжий Свифт.

— Свифт!

Не посмев ослушаться, Эрик Свифт подошел к лежащему на полу Громиле и разрезал путы. Робертс медленно сел на пол, разминая обескровленные веревкой руки.

— Громила, сейчас вы с этим молодцом выйдете на улицу, а мы посмотрим, кто лучше ногами молотит, — обратился к поверженному врагу Томас, — Если кто возьмется помогать Разине, убью, — добавил он спокойно.

Говорят, Громила Робертс забил тогда Разиню насмерть. Никто из «хокхерстцев» не сдвинулся с места.

Глава 5

«Все дело в мгновении — оно определяет жизнь.»

Ф. Кафка

Вся жизнь Томаса Кингсмилы — от сознательного возраста и до сегодняшнего дня прошла передо мной кадр за кадром. При этом моя память ушла как то в тень, в расфокус. Словно задний, размытый и нечеткий план фотографии, или давно просмотренный любимый, но слегка подзабытый фильм. Это было очень странное ощущение.

Не знаю, сколько времени, я провела в воспоминаниях Кингсмилы, но вода в бочке успела остыть. Ничего не поделаешь, помыться все же придется. Я сбросила с себя одежду, и с сомнением посмотрела на нее: местами сильно изорванная, в пятнах от травы и крови. Пожалуй, восстановлению

она не подлежит. Но что же мне делать? Вспомнилось, что я снимаю комнату у пожилой вдовы неподалеку. Там все мои вещи, но надевать после купания это грязное вонючее рваньё, чтобы добраться до дома мне не хотелось.

Ладно сейчас надо помыться, пока вода совсем не заледенела, а там разберемся.

Постанывая и шипя, я опустилась в бочку — вода попадала в ссадины и царапины, полученные мной ночью.

Что же там все таки произошло на Соляной Балке? Я вспомнила, как называлось это место, там находилась одна из якорных стоянок Айзека Гулливера. А еще в скалах была просторная пещера, которую контрабандисты использовали под склад товара.

Итак, попробую восстановить в памяти события последних дней.

* * *

«Звезда и орел» был, как и обычно по вечерам, полон посетителей. Публика тут собиралась своеобразная. В основном это были контрабандисты, для которых трактир, был штаб-квартирой и домом родным. Здесь можно было отдохнуть, послушать песни и байки захожих лютнистов, обсудить текущие дела, хорошо выпить

и перекусить, потискать портовых шлюх и перекинуться в кости или карты.

Томас сидел за столом в компании Свифта, Барнса и Рэта, по прозвищу Серый. Все были уже изрядно навеселе, когда в трактир зашел Питер Гулливер — старший ребенок Айзека. Это был милый круглощекий паренек со светлыми волосами и усыпанным веснушками лицом, характерной чертой которого был такой же как у отца закругленный, раздвоенный подбородок.

— Здорово, парни! — поприветствовал Питер подвыпившую компанию, — Томас, чего я тебе расскажу, сядь хорошенько, упадешь.

— Погоди, малец. Надо заказать еще выпивки.

* * *

Томас был старше Питера всего на три года. Когда он попал в трактир к Гулливеру, его сыну было 11, а дочери — Элизабет, всего 7. С тех пор прошло более 10 лет. Гулливер обожал своих детей, исполнял все желания и старался как мог оградить их от реалий жестокого мира. Томас, которому рано пришлось повзрослеть, всегда относился к Питеру и Бетси с позиции старшего брата, бережно и несколько снисходительно.

В детстве Питер никогда не участвовал в уличных драках и разборках, больше времени

проводя за книгам, чем во дворе. У окрестной ребятни авторитетом не пользовался и Томасу часто приходилось вступаться за Гулливера-младшего.

А однажды даже быть жестоко выпоротым вместо него.

Дело было так. Питер прихвастнул дворовым ребятам, что у него есть бутылка очень старого шотландского виски и он даст им попробовать. Ему хотелось заслужить у них немного уважения, но мальчик не подозревал, что парни просто заберут бутылку и уйдут. Это была жемчужина коллекции напитков Айзека Гулливера, он непременно заметил бы пропажу. Питер, как обычно, в трудных ситуациях, прибежал к Томасу. Тот попытался разыскать ребят, и нашел их пьяными в амбаре. От виски не осталось и капли, а бутылка была разбита о стену. 12-летний мальчик так горько плакал опасаясь отцовского гнева, что Томас пообещал ему взять вину на себя. И обещание сдержал. Не признался, даже когда разъяренный Айзек хотел выбросить его — работавшего в трактире уже год — на улицу. Но потом Гулливер сменил гнев на милость и приказал Алексу Тернеру, своему другу и правой руке, выпороть мальчишку. А все знали, что Тернер был в этом вопросе специалист.

* * *

— Эй, Матильда, тащи еще джина, — крикнул Томас служанке за стойкой. — Так, что за убийственная новость?

— Помнишь, партию чая, которую таможенникам удалось таки увести у Стэна и его банды?

— Как не помнить. Крупная партия, чай королевского купажа, каждый мешок был запечатан сургучной печатью со слонем. Айзек уже пообещал этот чай каким-то высокопоставленным лордам в Лондоне, а тут нежданно-негаданно налетели таможенники с драгунами и сорвали погрузку.

— Вот-вот, таким разъяренным я не видел отца никогда. Ты же знаешь, он вообще редко повышает голос.

— Тогда было из-за чего. Он потерял хорошие барыши. Погрузка не удалась, почти все ребята Стэна в Дувре. Поговаривают их скоро повесят на Рыночной площади. Торгаши стонут, что мы отнимаем у них заработок — четыре из пяти чашек чая выпитых на Альбионе — контрабандные, — поднял рыжую взлохмаченную голову Эрик Свифт.

— Да, таможенники вообще обнаглели, после того как получили поддержку королевских драгунов. Отгружать товар становится все сложнее, — встрял в разговор тощий Рэт.

— Так вот, завтра ночью этот чай драгуны будут перевозить в Лондон, лорды все же хотят его

отведать, — сообщил новость Питер, его мордашка засияла.

— Да ладно?! Откуда информация? — совершенно трезвым голосом спросил Томас.

— Есть у меня свои надежные источники, — раздвоенный подбородок Питера, гордо взмыл вверх.

— Растешь, малец, — Кингсмил нежно потрепал младшего Гулливера по волосам. — А источники точно надежные?

Питер раздраженно отдернул голову:

— Я не малец! Надежней некуда, жизнью клянусь.

— Ты же не собираешься напасть на кортеж королевских драгунов и попытаться отнять у них чай? — с сомнением в голосе спросил Свифт.

— Именно, что собираюсь, — осклабился Томас. — Небоись, Эрик, главное все хорошенько спланировать.

— Ну ты даешь, главарь, — восхитился Рэт. — Конечно, они реально обнаглели, но чтобы так... Ты точно безбашенный. А че? Давайте! Будет что вспомнить, да и денегат Гулливер за этот чай отвалит.

— Если в живых останемся, — добавил Свифт, почесав рыжую голову.

Питер Гулливер в разговор не встревал, он восхищенно смотрел на Кингсмилу.

* * *

На следующую ночь была запланирована дерзкая операция по перехвату партии чая у королевских драгунов. Преимуществом Томаса была темнота, внезапность и хорошее знание местности. А еще то, что его люди ему доверяли и беспрекословно слушались. Никто не отказался от участия в нападении на кортеж, пошли все до единого.

Засаду Кингсвилл решил устроить неподалеку от Соляной балки. Там дорога сужалась между скалами и караван с чаем можно было зажать с двух сторон. К тому же рядом была якорная стоянка и тайный склад. Была возможность быстро спрятать груз и разбежаться по домам.

Это был хороший план. Все прошло как по нотам, драгунский офицер даже не успел вытащить оружие. Пока королевские солдаты поняли, что к чему и откуда нападение, все они были убиты, а груз захвачен. Как и планировалось, контрабандисты погнали повозки с чаем на Соляную балку. Хокхерстцы были веселы, опьянены запахом крови и легкой победой.

А потом, что-то пошло не так. Последнее, что помнил Томас это сильный удар по голове, на этом его память оборвалась.

Я вылезла из бочки и поежилась, в комнате было прохладно. Дошлепала мокрыми ногами до кровати, оставляя на полу внушительных размеров лужи, и взяла полотенце. Почему я не положила его рядом с бочкой сразу? Жизнь другая, тело другое, а привычки те же. Честно скажу, небольшое полотенце не очень то выручило. Покрываясь гусиной кожей, кое-как обтершись, я попыталась завязать его на бедрах. Что же мне делать дальше?

В это время дверь в комнату тихонько отворилась и в нее вошла девушка. Высокая, стройная, пышногрудая, со светлыми длинными локонами, выбивавшимися из под чепца и зелеными, какими-то удивительно-русалочьими глазами. В общем мне она как то сразу не понравилась. Благодаря памяти прошлой жизни я знала кто это — дочь Гулливера Элизабет.

— Боже, Томи, ты жив! — она бросилась ко мне на шею, не обращая внимания на мой внешний вид, теперь она нравилась мне еще меньше.

Но мое тело отреагировало по-своему. Оно как то все напряглось, сердце бешено заколотилось, а чуть пониже живота я почувствовала шевеление.

— Бетси, — голос почему-то сел и я прокашлялась. — Элизабет, тебя не учили, что

нельзя врываться в комнату к обнаженным мужчинам?

А нас еще учат, что девушки 18-го столетия были скромницами. Как бы не так!

— Ой, — Элизабет смутилась, казалось бы только заметив мой внешний вид и опустила глаза.

— Прости, все сегодня только и говорили о твоём неудачном нападении на драгунов, сказали, все погибли. Я так плакала, я же не смогу без тебя. Ты же мне как брат, — добавила она краснея и еще больше смущаясь.

— Я жив, как видишь. Правда, получил по голове и не знаю, что там случилось. Ты не в курсе?

— Я слышала разговор отца с Алексом Тернером. Он отправил его, что-то перепроверить, выяснить всю информацию. А ты же знаешь, если за дело берется Тернер, значит случилось нечто серьезное. Хочешь я принесу тебе одежду Питера? — добавила девушка, все еще боясь поднять на меня глаза.

— Тащи.

Ее не было наверное около получаса, затем дверь снова открылась и в нее ворвалась запыхавшаяся Элизабет. Невзирая на свой напуганный вид, она тем не менее принесла мне все необходимое и даже дорожный плащ.

— Томи, тебе нужно срочно бежать. Я слышала как внизу отец разговаривал с Тернером,

тот вернулся и рассказал ему, что полиция взяла сегодня некоего сапожника, который ходил и всем хвастался знакомством с Томасом Кингсмилом. Что, мол, кто его обидит, будет иметь дело с тобой. Якобы ты ему даже мешок чая королевского купажа пожаловал.

— И отчего же я был так щедр? — осторожно спросила я, натягивая штаны. Одежда была чуть маловата. Но мне ли сейчас перебирать харчами?

— Тернер говорит, что полиция провела допрос с пристрастием и сапожник сознался, что был случайным свидетелем бойни на Соляной балке. Его обнаружил наблюдающим за ней человек, он представился Томасом Кингсмилом и за молчание дал ему мешок чая.

— Как это на меня похоже, — усмехнулась я.

— Томи, беги через окно, бери любую лошадь на конюшне, потом сменишь ее на почтовую и скачи подальше отсюда. А они пока разберутся, кто во всем виноват. Ты же знаешь, как отец относится к предателям. Он убьет тебя!

— Да уж..., — погрустнела я, вспомнив бойню в деревне Гоудхерст, учиненную головорезами Кингсмилла по приказу Гулливера.

Элизабет преданно снизу в верх заглянула мне в глаза и тихо спросила:

— Ты ведь не делал этого, Томи, правда? Даже если делал... просто отец..., — замешкалась

она.

— Я не делал этого, Бетси, — подумав, твердо сказала я. — На мне много грехов, но предательство точно не в духе Томаса Кингсмила.

Девушка облегченно вздохнула.

Я выглянула в окно, было высокогато. И как отсюда прыгать? Опыта прыжков со второго этажа у меня не было и вообще я побаивалась высоты. Но у Томаса, по-видимому, он был, и не малый. Мужчина с легкостью перемахнул через раму, повис на руках и приземлился на ноги. Осталось добежать до конюшни и надеяться на то, что с верховой ездой у меня в прошлой жизни все было также хорошо.

* * *

На задний двор трактира, где были привязаны лошади, удалось добраться без приключений, никто меня не остановил. Эти твари, мирно жующие овес, не вызывали у меня доверия. Наименьшие опасения внушила скромная и неприметная гнедая кобылка. Я подошла к ней, робко погладила ее по морде, лошадка фыркнула.

— Ну-ну, милая, тихо, — приговаривала я отвязывая лошадь, затем с легкостью впрыгнула в седло и помчалась во весь опор.

При этом совершенно не представляя куда

мне направляться и что делать. Для начала нужно найти спокойное место, подальше от всех этих гулливеров, приставучих девиц и контрабандных разборок, размышляла я, отдохнуть и обдумать все то невероятное, что случилось со мной за последние сутки.

Я совершенно не представляла куда мне направляться, но Томас, по-видимому, отлично ориентировался в городе и очень скоро я была за его пределами.

* * *

Мой путь лежал по проселочной дороге, или скорее бездорожью. Вокруг простирались поросшие молодой травой и дроком высокие нагорья с разбросанными по холмам и лощинам овечьими пастбищами. Затем тропа и вовсе нырнула в лес. Кобылка устала и то и дело замедляла шаг. На улице начинало темнеть. Если в ближайшее время мы не набредем на какое-нибудь жильё, придется ночевать здесь. Страшная участь вырисовывалась мне: или убьют спящую какие-нибудь местные лиходеи, или съедят волки. Эта идея не показалась привлекательной, и я вздрогнула как от холода.

Кстати, на улице действительно было прохладно. В апреле даже на юге Англии, ночи не радовали своим теплом. Хорошо хоть моя

минувшая жизнь прошла в этом графстве, а не в другой туманной и холодной части Королевства. Кент называли «Садом Англии», так как он славился своим теплым климатом.

Спасибо Бетси, догадалась принести мне дорожный плащ. Вообще милая барышня оказалась и, похоже, по уши в меня влюблена. Даже гнева отца не убоялась. Представляю, что было бы, если бы его люди застали ее в моей комнате с голым мужчиной. Лучше и не представлять, как будто бы обвинения в предательстве и краже груза мне мало. Ладно, сейчас главное найти ночлег. Опасность встречи с волками казалась мне в настоящее время более реальной, чем с контрабандистами. На улице стало совсем темно. Вдали, кажется, показались редкие огни деревни. Будем живы — не помрем. Я подняла голову в небо. Прямо надо мной тучи рассеялись и я увидела созвездье Змееносца.

* * *

Деревня оказалась совсем крошечной — одна улица в полтора десятка домов, не больше. Радость моя оказалась преждевременной. Чужаков здесь не жаловали, да, оно и понятно. Времена лихие, места опасные. Местные жители южных графств даже придумали песенку о том, как себя вести, если встретишь караван «совников», ставшую весьма

популярной в округе: «Пять да двадцать пони в темноте спешат: письмецо шпиону, стряпчему табак, кружева для леди, ром попу везут. Отвернись, драгоценный, и в стену ты смотри, пока идут джентльмены!»

Каравана, конечно, не наблюдалось, но похоже и одной моей бандитской морды было достаточно, чтобы не пускать меня на постой.

Утратив уже всякую надежду на нормальный ночлег, я добралась до конца улицы и постучала в последний, темный и покосившийся домишко.

Дверь не открывали долго, и я начала понимать, что похоже знакомство с волками неизбежно. Неожиданно дверь отворилась, за ней стояла сухонькая старушка с крючковатым носом и маленькими въедливыми глазками.

— Что, надо то, милоч, что это ты по ночам один шарисься, места у нас тут нехорошие.

— Да вот, бабушка, хочу на постой попроситься, сам лихих людей боюсь, — шмыгнула я носом.

Похоже печаль моя выглядела не слишком то убедительно. Бабулька медленно смерила меня взглядом от сапог до самой макушки, затем взгляд ее остановился на моих глазах.

— Ну что ж, милоч, брать у меня нечего, насильничать вроде как тоже поздно, а костлявая и так меня ждет не дождется. Заходи, мож, хоть дров

мне нарубишь, а то совсем старая стала сил никаких нет, а ты вон здоровый какой.

Ночь прошла спокойно. Старуха постелила мне на лавке, постель не царская, конечно, но все же лучше, чем еловая подстилка в лесу. Да еще и была так добра, что поделила со мной свой скудный ужин — кашу, капусту, да кусок хлеба.

На утро на удивление отдохнувшей и в хорошем настроении, я вышла во двор, чтобы отдать бабушке долг — нарубить дров. Надеюсь, что Томас умеет это делать, потому что я разве что представляла себе с какой стороны держать топор. Кингсвилл и на этот раз меня не разочаровал. Дрова поддавались легко и даже с каким то залихватским удовольствием. Утро было солнечным, и дальнейшие перспективы представлялись не такими уж безнадежными.

В конце концов попала же я как то в свою прежнюю жизнь, значит должна быть возможность вернуться в будущую. Очень не хотелось бы остаться здесь и влечить существование головореза и контрабандиста. К тому же в моей действительности, есть люди которые мне дороги. Правда, я уже не помнила их, но они же обязательно должны были быть: родственники, друзья, хоть кто-то. Если есть вход — должен быть и выход. Я по-прежнему не верила в чудеса, и знала, что всему происходящему обязательно

найдется какое-нибудь объяснение.

А пока мне нужно не падать духом, уехать подальше от Хокхерста и подумать, что я могу предпринять в данной ситуации. Я перенеслась в свое прошлое воплощение во время практики в святом месте, месте силы или энергетическом узле. Я знала о них из следующей жизни. Правда откуда пришли эти знания, понятия не имела. Может быть если найти такое место здесь, попробовать попрактиковать в нем, то я смогу вернуться? Это идея. А ну-ка основные асаны то я хоть не забыла.

Я отложила топор и решила попробовать проделать простой, но весьма действенный утренний комплекс упражнений СурьяНамаскар — приветствие Солнцу.

Тело Томаса было скорее приспособлено к мордобою и поножовщине, ну на худой конец рубке дров, чем к йоге. Придется постараться. А парень то похоже не безнадежен. Не все получается, так как хотелось бы, но думаю у меня в начале практики дела обстояли не лучше. После нескольких кругов приветствия, решила перейти к простеньким скруткам, и не заметила, как на порог вышла бабулька:

— Да, хватит мне уже этих дров, эко тебя, милоч, законазило. Гляди не раскрутисси потом.

Поблагодарив гостеприимную старушку, Кингсмил вскочил на коня и двинулся дальше по

дороге.

* * *

Солнце стояло в зените и я решила сделать привал, напоить лошадку и перекусить самой. Тем более на моем пути был постоянный двор «Дуб и плющ». Спешившись, отдала поводья конюху и зашла в полупустой трактир. Трактирщик маленький толстый человечек с прилизанными редкими волосами, тонкими усиками над влажным ртом и бегающими глазами, стоял за стойкой и считал барыши.

— Чем покормите, хозяин?

— Супа капустного могу налить, — не поднимая головы сказал трактирщик.

— А мяса нет? — спросилось как то само собой. Вообще-то, практически с того времени как в мою жизнь вошла йога, я не употребляла мясо, но видимо мужской организм требовал животного белка.

— Уже съели все, вечером, — как то не слишком любезно ответил толстяк, и поднял глаза на посетителя.

И вдруг с ним произошла странная перемена. Лицо толстяка растянулось в угодливой резиновой улыбке:

— Какой джентльмен почтил нас своим

присутствием, неужто сам Томас Кингсмил, — елеиным голосом проговорил он.

— А разве мы были с вами представлены друг другу, — насторожилась я.

— Не имел чести, но кто же не знает Кингсмилла, грозу и легенду наших мест? К тому же, вы уже радовали нас своим присутствием в прошлом году. Вы были в компании других джентльменов, так же как и вы друзей Айзека Гулливера.

Действительно, пришло воспоминание, как Томас с группой боевых товарищей сопровождал груз и они останавливались на постой именно здесь.

— Сейчас распоряжусь, вам принесут лучшего эля и вяленных окороков, негоже такому гостю хлебать суп, — трактирщик доверительно наклонился к Томасу, — к тому же, если честно, суп слегка подкис, коли до вечера не съедят, вылью собакам.

Трактирщик мне не понравился, и это мягко говоря. То, что он меня узнал, тоже не хорошо. Хотя, что он сделает? Почтового голубя отправит? Даже если люди Гулливера меня ищут, а это несомненно так и приедут сюда, к тому времени я уже успею где-нибудь затеряться.

Толстяк появился через четверть часа, накрыл на стол. Огромный наструганный ломтями окорок на тарелке, внушил мне трепет, интересно кто кого

переварит: я его или он меня. Но организм Кингсмилла был другого мнения по этому поводу. Вскоре окорок внезапно закончился, а эль пришлось подавать еще дважды.

Неожиданно я заметила, что меня клонит в сон. Хотя почему неожиданно то? После такого плотного обеда и трех кувшинов эля, это было вполне предсказуемо.

* * *

Проснувшись, я от того, что все тело ужасно затекло, поза была крайне неудобной. Оно и понятно. Я лежала на боку со связанными сзади руками и плотно скрученными бечевой ногами. Трактирщик, гад таки подсыпал мне в эль сонного порошка. Значит, примерно через сутки-двое здесь будут люди Гулливера. Встреча неизбежна. Ну что ж попробую воззвать к их разуму. Если хорошенько подумать, Томас никак не мог быть предателем. Интересно как ему удалось затащить меня в подвал? Толстяк не показался мне таким уж атлетом, а парень я крепкий. Хотя судя по тому как ныло плече и спина, он не очень то церемонился и просто столкнул меня с лестницы.

Слабый свет из крохотного окошка под потолком освещал погреб. На полу я заметила несколько бочонков эля. Надо мной на балке под

потолком висели копченые и вяленые окорока и колбасы. Толстяк был уверен, что мне не добраться до его сокровищ, иначе ни за что не подверг бы их такой опасности. Да, со связанными конечностями, много мне не съесть. Сутки валяться скрученной веревками, как колбасы, которые я видела краем глаза, перспектива не из веселых. И без того не завидное положение усугублялось тем, что выпитый эль настоятельно просился наружу. Что за фашист?! Живого человека оставить связанным на земляном полу без еды и возможности сходить в туалет. Что-то мне подсказывало, что он вряд ли придет меня покормить и ослабить путы.

Не успела я додумать свою мысль до конца, как резкая боль пронзила мое запястье. Ах да, знаменитый трюк Кингсмилла, освоенный им еще в детстве, когда братья ради забавы связывали его и закрывали в чулане. Как я могла позабыть?! Томас выдернул большой палец из сустава левой руки и аккуратно, втягивая от боли между зубами воздух, освободил руку. Потянул слегка за травмированный палец и резко дернул его. Снова сильная боль, хруст, палец встал на место. Затем все еще ноющей рукой осторожно освободил вторую руку, после — обе ноги.

Первым делом, я поискала куда бы отлить. Не стану же я как кот метить углы. На глаза мне попался слегка початый бочонок с элем. То что

нужно. Хотелось бы мне увидеть, какотреагируют посетители, когда толстяк подаст им этот напиток. Надеюсь, это будут люди Гулливера, при этих мыслях лицо Томаса растянулось в мстительной ухмылке. Похоже чувство юмора с прошлой жизни у меня не очень то изменилось.

Ну что ж жизнь налаживается. Теперь по крайней мере не придется встречать людей Гулливера с мокрыми штанами. Да и голодать нет необходимости. Ну держись, гад-трактирщик, за эти сутки-двое, молодой здоровый мужской организм, сможет нанести твоим закромам существенный урон.

Сколько прошло времени не знаю, но текло оно на удивление быстро. Никто меня не тревожил. Как я и предполагала, желания проведать пленника у трактирщика не возникло. Мне было о чем подумать, например, о том, как строить разговор с людьми Гулливера, какие аргументы в свою защиту приводить. Бетси говорила, что историю в Соляной бухте расследует Алекс Тернер. Могу предположить, что именно его Гулливер ко мне и отправит. Он конечно тот еще садист, я вздрогнула при воспоминании о порке, но не дурак. Можно попытаться воззвать к его разуму. А аргументов в свою защиту у меня было достаточно.

А еще я хорошенько выспалась, от души наелась и напилась эля, откупорив еще один

бочонок. В кои-то веки можно было не думать о диете, тело Томаса прекрасно усваивало калории. Я как раз решила опять поспать, после опустошения стратегических запасов трактира «Дуб и плющ», когда сквозь сон услышала голоса и тяжелый топот сапог по лестнице. Я напряглась и приготовилась к беседе.

В погреб вполне ожидаемо вошел Алекс Тернер, жестокий убийца, верный пес и правая рука босса, так сказать заместитель по особо важным делам. С ним были еще двое. Я все еще слегка сонная из-за воздействия эля начала приподниматься с пола, поприветствовать гостей, но удар сапогом между ног, заставил меня скрючиться от боли и немедленно протрезветь. Потом меня били, долго, с удовольствием и как то от души, при этом задавая вопросы на тему пропавшего груза. Хотя, мне кажется, мое мнение им было не очень то и интересно, так как возможности отвечать мне почему-то не давали. Через некоторое время сознание покинуло меня.

* * *

Я сидела в позе лотоса на бескрайнем поле сияющих белым цветом, кажется это были тюльпаны. Кто я и где нахожусь, совершенно не имело значения. Состояние было спокойным,

расслабленным и гармоничным, внутренняя улыбка озаряла меня, и ее отблеск сиял на моем лице.

— Привет, Лия, давно не виделись, — услышала смутно знакомый тихий обволакивающий голос.

Лия, точно меня зовут Лия, но разве это важно. Разве вообще, что-то имеет значение? Где-то я когда-то слышала, что счастье — это естественное состояние человека, все остальное игры разума и особенности восприятия. Так вот сейчас я была наполнена состоянием абсолютного счастья и совершенного покоя.

— Послушай меня внимательно девочка, у нас очень мало времени, — голос не хотел оставлять меня в покое, настоятельно врываясь в мои мысли. — Жизнь человека, как диафильм или киноплёнка, на которой все кадры находятся одновременно, но видим мы их на экране, только когда на них падает луч проектора. В данном случае таким лучом является твоя осознанность. Законом мироздания установлено, что осознанность должна перетекать медленно из кадра в кадр, вдоль всей жизни. Одной жизни. Перетекающая медленно по пленке жизни осознанность — это и есть реальное время. Затем — в новую другую жизнь и так до тех пор пока колесо сансары не закончит свой путь. В твоём случае произошел неконтролируемый скачок и случилось наложение

пленки одной жизни на другую. Я с такими случаями не сталкивался, хотя слышал, что, к примеру, некоторые колдуны из племени Майя и древние шаманы умели путешествовать во времени и из жизни в жизнь. Но они для этого долго практиковали, использовали различные обряды, мантры, молитвы и снадобья. Почему это произошло с тобой мне пока не ясно. И я не знаю, чем могу тебе помочь, но попытаюсь разобраться. Томас в своем праве, поэтому твоя память постепенно уходит. И даже скорее, чем я предполагал. Не могу точно сказать, когда ты перестанешь осознавать себя Лией. Пока этого не произошло — ищи место силы. Ты правильно все поняла. Ближайшее, которое я знаю, это Кентерберийский собор. Это очень старый храм. Он был основан еще в 603 году миссионером папы Григория Великого Августином Кентерберийским во имя Христа Спасителя. Собору многое пришлось пережить пожар, разрушение, восстановление, мольбы о помощи и проклятья. Отправляйся туда, Лия. Я не знаю, когда жизнь Томаса Кингсмилла прервется, но знаю, что это будет не в свой срок, внезапно и насильственно.

Его голос звучал все дальше и дальше.

— Поторопись, Лия, если твое сознание не покинет тело Томаса до его гибели, Закон мироздания будет нарушен, и твоя энергия

рассеется во Вселенной, ты больше не сможешь переродиться.

И уже совсем из далека:

— Постарайся не забыть свое имя, Лия, оно может стать последней нитью, связующей со следующей жизнью.

— Кентерберийский собор, Лия, — донеслось гулкое эхо.

Глава 6

«Каждый человек — это целый том, если только вы знаете, как читать его.»

У. Э. Ченнинг

Поток холодной воды привел Томаса в чувство. Он приоткрыл глаза и увидел около своего лица сапог Тернера:

— Очухался, — утвердительно сказал тот. — Ну что, Кингсмил, продолжим разговор?

— Погоди, — прохрипел Томас и сплюнул кровь, — Алекс, ты же никогда не был дураком. Скажи, почему я не убил того сапожника, да еще и одарил его чаем. Положил всех своих ребят, а свидетеля отпустил с подарками. Да, еще и был таким джентльменом, что не забыл представиться. Это же подстава чистой воды. Тернер, разве я когда-то давал повод подозревать меня в

крысятничестве?

Алекс Тернер задумался:

— Если бы это был не ты, то разговор совсем другим бы получился. Мы ж тебя так, любя, — Тернер обнажил зубы в хищной улыбке, — ты знаешь, что Айзек относится к тебе почти как к сыну, пусть и приемному. Его очень огорчила мысль о том, что предателем можешь оказаться ты. Сказал проучить тебя хорошенько, но не убивать. Сам хочет тебе в глаза посмотреть.

— Боюсь, что после нашей беседы, я не смогу никуда ехать, — прохрипел Кингсмил, проклиная отцовскую любовь во всех ее проявлениях.

— Ребята сейчас помогут тебе дойти до комнаты, ты отлежись денек, поешь бульона, выпей эля, а завтра в путь, — участливо сказал Тернер.

Мужчина утвердительно кивнул, а про себя подумал: «Уж, что я точно не буду делать, так это пить здесь эль».

* * *

Ранним утром следующего дня совники отправились в обратный путь. Томас с трудом сидел в седле, но вида не подавал. Всю дорогу парень молчал, а на предложение Тернера спешиться и передохнуть, отрицательно мотнул головой. Состояние было мрачное, причем внутри

хуже, чем снаружи. Очень жаль было ребят, с которыми столько пройдено. Они, конечно, не были ангелами, но они были своими. А еще они бесконечно доверяли своему главарю, а он привел их к гибели. «Ничего парни, они зря оставили меня в живых, обещаю, что умирать они будут долго», — мстительно думал Кингсмил. А еще очень хотелось узнать, какая сука его подставила. Не то чтобы у него не было врагов, он не тешил себя такими иллюзиями. Но это сделал кто-то из своих, из очень близких, кто в точности знал о плане операции. Кому Томас особенно доверял. От этой мысли становилось гадко. Это был удар в спину. Кому ж это он так насолил? И кто может оказаться предателем, если все его парни, все кто был в курсе подробностей операции полегли на Соляной балке? Или не все? Или информация каким-то случайным образом просочилась к посторонним? Лучше бы это было именно так. Так было бы намного проще.

Еще беспокоило, какое-то странное и смутное воспоминание, будто он женщина и его зовут Лия, при чем этой бабе приспичило ехать в Кентерберийский собор. Покаяться в грехах наверное. Для чего же еще? «Да, хорошо они, по-видимому, меня приложили», — мрачно думал Кингсмил, — «Совсем кукушка поехала. Я — баба. Еще и имя какое-то дурацкое. Лия. Кто это

придумал? Вообще бывают такие имена?». Но ощущение, что это важно, не покидало его всю дорогу.

* * *

К трактиру совники приехали уже затемно. Гулливера на месте не было, какие-то важные дела срочно отозвали его в Эшфорд, Кентербери, а может и в сам Лондон. Он ни перед кем не отчитывался куда едет. Возможно только перед своей супругой Люсиндой, но она умела хранить тайны мужа.

Кингсмил решил отлежаться дома — он снимал небольшую комнатку у пожилой вдовы в доме неподалеку от «Звезды и орла». Измученное побоями тело ныло после долгой дороги и он решил сразу же лечь спать.

Уже сон начал туманить его сознание, в голове проплывали какие-то размытые неуловимые образы: белый песок теплого моря, южный ветер и звездное небо над головой, дивный храм. Тихий шорох за дверью снял сон как рукой. Комната вдовы была на первом этаже, а здесь — на втором, располагалось две комнаты — Томаса, и пустующая, захламленная старыми вещами хозяйки.

Кингсмил прислушался, насторожился. Мягко

как кот встал с постели, стараясь не потревожить выдавшие виды кроватные пружины. Лежащий на столе нож быстрым привычным движением лег в руку. Беззвучными шагами дошел он до двери и замер в ожидании непрошенного гостя. Долго ждать не пришлось. В дверном проеме показался темный силуэт. Парень прыгнул и одним движением сбив прищельца с ног, навалился на него всем телом.

— Томи, — захныкал злоумышленник тонким девичьим голоском. — Ты, что с ума сошел?

— Бетси?! Ты что здесь делаешь?! Это ты с ума сошла! А если бы я тебя убил?! — возмутился Кингсмил, поднимая девушку с пола, и перешел на шепот, вдова была непомерно любопытна, хотя старалась этого и не показывать, опасаясь недовольства жильца. — Вламываешься среди ночи к одинокому мужчине в комнату, разве так пристало поступать леди. погоди, я сейчас зажгу свет.

Он подошел к столу, чиркнул спичкой и слабое пламя керосиновой лампы осветило комнату. Элизабет выглядела совершенно несчастной, ее нежное личико распухло, глаза блестели. Девушка сбивчиво заговорила:

— Мы с Питером очень разволновались, когда Тернер пустился за тобой вдогонку. Он же настоящий зверь. Обычно отец прибегает к его

помощи только в крайних случаях. А сегодня он вернулся молчаливый и задумчивый, тебя с ним не было. Я обезумела от горя, думала ты где-то с перерезанным горлом валяешься в канаве. Набросилась с обвинениями на Тернера, он сказал, чтобы я не читала на ночь романы, и не выдумывала всякие ужасы. Что ты отдыхаешь с дороги у себя дома. Я не поверила ему, думала что он мне врет и тебя уже нет в живых. Воспользовавшись отсутствием отца, я выскользнула из дома и пришла сюда. Окна не светились. Решила, что Тернер меня все же обманул. Я очень волновалась за тебя и не могла просто взять и уйти домой. Дернула за ручку, дверь отворилась.

— Очевидно старая вдова опять забыла ее запереть, — проворчал мужчина.

— Я боялась войти к тебе в комнату и не найти тебя там. Это бы значило, что...

Элизабет начала всхлипывать. Что-то похожее на нежность зашевелилось в душе у Кингсмилла. В этот момент он был готов перерезать себе глотку лишь бы она перестала плакать, ему хотелось обнять ее, прижать покрепче и защитить от всего мира. Никто и никогда так не тревожился о нем, кроме может быть, матери, и то она делала это тихо и незаметно, чтобы не злить мужа. Он подошел и ласково обнял девушку за плечи:

— Ну, перестань, Бетси, успокойся. Леди не плачут.

— А я не леди! — вскинулась Бетси.

— Леди, ты у нас самая настоящая леди, посмотри какая ты красивая. Ну, вытри носик. Ты обязательно будешь настоящей леди. Отец найдет тебе в Лондоне или, в крайнем случае, Эшфорде подходящую партию. Приданное за тобой не малое, тебя любой дурак возьмет, — ласково, пытаясь отвлечь Элизабет от слез, приговаривал Томас.

— А я не хочу за приданное, я хочу по любви — всхлипнула девушка и прижалась к мужчине всем телом.

— По любви... Что в ней хорошего в этой любви, — усмехнулся Кингсвилл и аккуратно отстранил девушку от себя. — Давай провожу, тебя наверное уже дома хватились.

— Я останусь у тебя, — тихо, но твердо сказала Бетси опустив глаза.

— Вот еще, не выдумывай, что значит «останусь у тебя»? — от удивления мужчина заговорил громче, затем опять перешел на шепот, — Бетси, ты вообще в своем уме?

— Томи, когда я думала, что Тернер тебя убил, я жалела об одном, что теперь у меня даже не будет воспоминаний о тебе... о нас... и решила, что если ты жив... в общем...вдруг с тобой, опять что-то случится, — Бетси смутилась и замялась.

— Ты о чем вообще говоришь, Бетси?!
Решила она! Со мной всегда, что-то случается.
Пошли от греха подальше, пока тебя дома не
хватились, — повысил голос Кингсмил, выталкивая
девушку за плечи из комнаты, и продолжил тихо
себе под нос: — Решила она, еще этого мне не
хватало.

* * *

Кингсмил появился в «Звезда и орел» ближе к
вечеру. Весь день ему пришлось провести в пещере
в Соляной бухте, руководить сортировкой груза.
Большая партия товара готовилась к ночной
отправке. Гулливера по прежнему за стойкой не
было.

Томас молча сел за столик в углу, спиной к
стене и закурил трубку. Это было его обычное
место уже много лет. Сразу же подошла служанка
Матильда и поставила перед ним две тарелки: с
пшеничными лепешками и телячьим стейком, а
также бутылку джина. Томас поблагодарил ее
шлепком по заднице, Матильда, захихикав,
побежала на кухню.

На стуле по центру зала сидел лютнист и
довольно приятным голосом пел популярную у
здешней публики песню: